

С.Н. АБДУЛЛАЕВ

**ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
КАК СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНАЛИТИКО-
СИНТЕТИЧЕСКОГО ТИПА**

Каракол – 2022

УДК 41:494.3:482

ББК 71.07

А 13

ISBN 978-9967-474-07-08

Абдуллаев С. Н.

**А 13 Причастно-последовательные конструкции как сложные предложения
аналитико-синтетического типа.-Каракол, 2022**

ISBN 978-9967-474-07-08

Монография посвящена осмыслению грамматической природы отдельного типа полипредикативных предложений аналитико-синтетического типа – причастно-последовательных конструкций. Автор анализирует структурные и содержательные типы описываемых конструкций на материале тюркских и монгольских языков.

УДК 41:494.3:482

(С) С. Абдуллаев, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Теоретические основания работы

- 1.1. Из истории изучения причастно-последложных конструкций в тюрко-монгольских языках
  - 1.1.1. Причастия как инфинитные формы глагола
  - 1.1.2. Последлоги и последложные конструкции
- 1.2. Модели причастно-последложных конструкций
- 1.3. Параметры выделения моделей

Глава 2. Структурные типы причастно-последложных конструкций в тюрко-монгольских языках

- 2.1. Причастно-последложные конструкции
- 2.2. Масдарно-последложные конструкции
- 2.3. Конструкции с собственно последлогами
- 2.4. Конструкции со служебными именами
- 2.5. Форма подлежащего в зависимой предикативной единице

Глава 3. Содержательные типы причастно-последложных конструкций в тюрко-монгольских языках

- 3.1. Функциональная классификация зависимых предикативных единиц
- 3.2. Моно- и разносубъектные конструкции

Заключение

Библиография

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях языковые и этнические коллективы все активнее вступают в процессы межкультурной коммуникации. В этих процессах язык и культура часто оказываются тесно переплетенными. При этом актуальным становится исследование основных коммуникативных единиц языка. Среди таких ключевых единиц можно назвать полипредикативные конструкции тюрко-монгольских языков, отличающиеся безусловной релевантностью в плане выражения различных логико-грамматических отношений.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами. Причастно-последложные конструкции как разновидность полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках описаны лишь в отдельных статьях. Вместе с тем они представляют важный типологический аспект грамматического строя этих языков.

Объектом исследования являются причастно-последложные конструкции в тюркских и монгольских языках.

Предмет исследования сопоставление моделей причастно-последложных конструкций в контексте общих типологических различительных признаков.

Проблема исследования заключается в том, что в современных исследованиях зачастую такие конструкции не рассматриваются в качестве сущностных единиц языка.

Целью нашей работы является изучение способов организации причастно-последложных конструкций в тюркских и монгольских языках.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **задач**:

- проработать специальную литературу по теме исследования;
- изучить современный понятийно-терминологический аппарат для изложения итогов проведенного исследования;

- рассмотреть структуру и семантику причастно-последложных конструкций в сопоставительном ключе.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы по изучению причастно-последложных конструкций на материале разных языков (Е.И. Убрятова, Н.К. Дмитриев, М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник, Н.Х. Демесинова, Дж. Мураталиева, М.З. Закиев, Л.А. Шамина, Н.Б. Доржаева, И.В. Ельмакова и др.)

Материалом исследования послужила выборка примеров их художественных текстов, примеры из грамматических описаний и данные информантов.

Методы исследования. В работе использовался сопоставительно-описательный метод, а также приемы моделирования.

Структура работы. Монография состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность; характеризуется степень разработанности темы; формулируется проблема; определяются объект и предмет исследования, основная цель и задачи работы; характеризуется материал исследования; перечисляются методы исследования; указываются научная новизна и практическая значимость; приводятся положения, выносимые на защиту.

Основная часть композиционно состоит из трех глав.

Первая глава называется «Теоретические основания работы». Она состоит из следующих параграфов.

- 1.4. Из истории изучения причастно-последложных конструкций в тюрко-монгольских языках
  - 1.1.3. Причастия как инфинитные формы глагола
  - 1.1.4. Последлоги и последложные конструкции
- 1.5. Модели причастно-последложных конструкций

1.6. Параметры выделения моделей

Вторая глава носит название «Структурные типы причастно-последовательных конструкций в тюрко-монгольских языках». Глава включает следующие параграфы.

2.1. Причастно-последовательные конструкции

2.2. Масдарно-последовательные конструкции

2.3. Конструкции с собственно последлогами

2.4. Конструкции со служебными именами

2.5. Форма подлежащего в зависимой предикативной единице. В этой главе речь идет об основных типах причастно-последовательных конструкций.

Третья глава называется «Содержательные типы причастно-последовательных конструкций в тюрко-монгольских языках» и разбивается на два параграфа.

3.1. Функциональная классификация зависимых предикативных единиц

3.2. Моно- и разносубъектные конструкции.

В данной главе описываются основные содержательные типы ППК с причастно-последовательной формой сказуемого. Кроме того, проводится различие между моносубъектными и разносубъектными моделями.

В заключении делаются обобщающие выводы по работе.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ

1.1. Из истории изучения причастно-последложных конструкций в тюрко-монгольских языках

При обращении к синтаксическому строю современных тюркских и монгольских языков можно выделить отдельную разновидность полипредикативных конструкций (ППК), которые причисляются к ППК аналитико-синтетического типа. Они называются причастно-последложными конструкциями [41; 34; 3, 49]. Как явствует из термина «причастно-последложная конструкция», такие структуры состоят из причастных глагольных форм, с одной стороны, и послелогов как служебных слов – с другой. Такие сочетания часто упоминаются при описании сложноподчиненных предложений в привлеченных языках, когда речь идет о средствах соединения предикативных частей в составе сложноподчиненного целого. В частности, исследователь синтаксического строя современного татарского языка М.З. Закиев отмечал, что «синтетическая модель сложного предложения характеризуется тем, что средства связи между предложениями (аффиксы, послелого и послелого-сова) входят в состав сказуемого придаточного предложения, образуя его форму» [15, с. 23]. Следовательно, сочетания причастий с послелогоми рассматривались как один из способов «сложного подчинения» зависимой предикативной единицы главной [47, с. 313].

Как утверждают М.И. Черемисина и Е.К. Скрибник, описывая причастно-последложные конструкции в одном из монгольских языков – бурятском, «в работах по алтаистике, и прежде всего по тюркологии, постоянно отмечается существование разнообразных конструкций, в составе которых послелог связан с причастием; функционирование таких конструкций подобно функционированию падежных форм причастий – в составе зависимой части сложноподчиненного предложения или «оборота»,

распространяющего простое предложение. Однако в качестве особой, аналитико-синтетической конструкции, заслуживающей специального внимания с позиций полипредикативного синтаксиса, эти формы осознаны пока, как нам кажется, недостаточно [41, с. 38].

Как мы отметили, из-за своей продуктивности сочетания причастий в той или иной падежной форме, с одной стороны, и послелогов – с другой часто упоминаются в лингвистической литературе по тюркским и монгольским языкам, а также по сопоставлению этих языков с языками другого строя, например, с русским или английским языками. Такие сочетания отмечаются в качестве средств соединения предикативных единиц в сложноподчиненном предложении и рассматриваются в качестве параллелей союзов и союзных слов в русском языке [Ср. 36, с. 409-421].

Так, например, Н.Х. Демесинова в своей работе «Развитие синтаксиса современного казахского языка» пишет: «Именно присоединение аффиксов (падежей – Г.А.) и послелогов оформляет и обуславливает в таких случаях сказуемость функцию причастия» [9, с. 137].

Надо отметить, что нередко в качестве средства выражения подчинительной синтаксической связи упоминаются только аффикс падежа и послелог. Причастие расценивается как глагольная форма сказуемого простого предложения в составе сложного целого.

В работах приверженцев Новосибирской синтаксической школы сформировался более специфический подход к названным структурам. Во-первых, причастно-послеложные конструкции стали описываться как единицы языка в виде отдельных сущностей – моделей. Во-вторых, под причастно-послеложными конструкциями стали пониматься не просто сочетание причастия и послелога, а все сложное предложение, вся ППК, где средством синтаксической связи и показателем смысловых отношений выступало сочетание аффикса конкретного причастия с конкретным послелогом [37, с. 35]. Обратимся к примеру из современного татарского языка:

Тат. *Кояш чыкканга кадәр, без чай эчеп алдык* 'Мы попили чай до того, как встало солнце'

Это пример причастно-последложной конструкции, построенной по модели, формулу которой можно представить следующим образом:

{(Nnom ⇔ Tv=ган//га кадәр) (ГПЕ)} – до того как

Приведенный пример-иллюстрация является реализацией ППК аналитико-синтетического типа. Послелог и морфологические показатели причастной формы на –ган и дательного-направительного падежа находятся в зависимой предикативной единице (ЗПЕ), которая предшествует главной предикативной единице (ГПЕ). Послелог и соответствующая цепочка морфем показывают факт и характер синтаксического подчинения, т.е. то, что выражаются смысловые отношения предшествования во времени события главной предикативной единицы событию зависимой предикативной единицы. Подлежащее в зависимой предикативной единице употребляется в форме прямого (номинативного, именительного, неопределенного, основного) падежа.

Ниже мы будем употреблять термин «причастно-последложная конструкция» в качестве гиперонима, включающего употребление не только причастий и собственно послелогов, но и отглагольных имен (масдаров, имен действия), а также служебных имен, которые функционально уподобляются собственно послелогам. Наше решение обусловлено тем, что во всех этих случаях используется одинаковая языковая техника, которая позволяет формировать ППК аналитико-синтетического типа. Аналитического типа, потому что используются служебные слова, а синтетического типа, потому что с послелогам и служебными именами сочетаются причастные и масдарные аффиксы, которые входят в синтетическую форму глагольной части зависимого сказуемого.

В современных тюркских и монгольских языках представлены причастно-последовательные конструкции, являющиеся разновидностью полипредикативных конструкций (ППК) синтетического типа. Такие ППК разбиваются на разряды в зависимости от того, какой формой инфинитного сказуемого возглавляется полипредикативное предложение. Кроме того, во внимание принимается то обстоятельство, какой способ подчинительной синтаксической связи реализуется при подчинении зависимой предикативной единицы главной.

В тюркологии базой для адекватного понимания и описания полипредикативных конструкций являются работы известного тюрколога Е.И. Убрятовой. Со стороны структуры выделяются ППК аналитического и синтетического типов. Они различаются по способу соединения предикативных единиц в составе ППК. В ППК аналитического типа предикативные единицы соединяются при помощи скреп типа союзов. Например, в современном уйгурском языке в ППК

Уйг. *Балилар иссиқ кийинивалди, чүнки хава райи соғуқ еди.* – ‘Дети оделись тепло, так как погода была прохладной’

две предикативные единицы соединяются между собой при помощи аналитической скрепы – союза *чүнки*.

В ППК аналитического типа предикативные единицы устроены примерно так же, как и простые предложения. Для тюркских языков принципиальную значимость здесь исследователи усматривают в том, что сказуемые как и в простом предложении, так и в предикативных единицах в составе ППК аналитического типа имеют личную, или, как говорят алтаисты, финитную форму. Поэтому они замыкают готовые структуры, которые как кирпичики соединяются при помощи аналитических скреп. Причастно-последовательные конструкции как объект нашей исследовательской работы построены по иной типологической схеме.

1.1.1. Причастия как инфинитные формы глагола

Причастие в «Словаре лингвистических терминов» определяется как склоняемое глагольное имя [5, с. 363]. Причастия – активно употребляемая форма глагола в тюрко-монгольских языках. Они отличаются своей полифункциональностью. В разных конкретных языках отмечаются разные наборы причастных форм. В основном они дифференцируются по темпоральному значению. Выделяются причастные формы прошедшего времени, настоящего времени, будущего времени, настояще-будущего времени. Например, в уйгурском языке – причастие прошедшего времени на –ган, настояще-будущего времени на –ар [11, с. 314-315]. В киргизском языке выделяется причастная форма еще не осуществившегося действия на –а элек [2, с. 96-110]. Она отмечается только в сибирских тюркских языках [2, с. 96].

Выделяются следующие функции причастий. 1) Функция определения - 2) функция сказуемого простого предложения; 3) функция зависимого сказуемого в полипредикативном сложном предложении. В контексте нашей работы для нас более интересна третья функция, поскольку именно в этой функции причастия сочетаются с послелогом и другими служебными словами. Например:

Тат. *Балалар зурайган саен, мэсьалалар кубэйде* ‘По мере того, как дети подрастали, увеличивались проблемы’

В этом примере причастие прошедшего времени на –ган сочетается с послелогом *саен*. Передается значение повторяемости событий, описываемых в главной и зависимой предикативных единицах. Причастие употреблено в роли сказуемого зависимой предикативной единицы, т.е. в инфинитной форме, в составе которой оно сочетается с соответствующим послелогом, управляющим падежной формой номинатива (именительного падежа).

1.1.2. Послелогои и послеложные конструкции

Послелогои называют «служебное слово (служебный элемент), выполняющее морфосинтаксическую функцию, соответствующую предлогу, но в отличие от последнего находящееся в постпозиции и нередко не обладающее свойством раздельноормленности» [5, с. 341].

Послелогои – это одна из разновидностей служебных слов, составляющих типологическую особенность тюркских и монгольских языков [7; 52, с. 267]. Свое название они получили потому, что сочетаясь со знаменательными словами, следуют за ними в постпозиции. Этим они отличаются от предлогов, например, в русском языке.

Обратимся к определению послелогов на материале тувинского языка. Авторы «Грамматики тувинского языка» пишут: «Послелогом называется неизменяемая служебная часть речи, которая употребляется в синтаксическом сочетании с знаменательным словом (существительным, местоимением и какой-либо именной формой глагола или субстантивированным словом из других частей речи), образует вместе с ним зависимый член предложения, управляемый другим членом предложения (обычно представляющим собой глагольную форму, иногда существительное, прилагательное и т.п.) и поясняющий его в пространственном, временном и различных других отношениях» [17, с. 434].

Послелогои связывают не только отдельные зависимые слова со словами, от которых они зависят, но зачастую они выполняют аналогичную функцию в сложном предложении. Послелогои связывают предикативные части сложного предложения, выполняя функцию подчинительных союзов [17, с. 435].

Послелогои делятся на собственно послелогои и функционально близкие к ним служебные имена. Еще Т.М. Мелиоранский отмечал, что к послелогоам относятся слова. Имеющие самостоятельное значение *алд, аст, уст* [23, с. 68]. Другие послелогои, писал автор, «не имеют самостоятельного значения – *менен, бери*» [23, с. 69]. Следовательно, фактор изменяемости / неизменяемости маркирует две группы служебных слов. Собственно

последлоги являются неизменяемыми словами, а служебные имена способны присоединять аффиксы падежей и лично-притяжательного оформления [17, с. 434]. Например:

Уйг. Униң орнига Қумулниң веңи килип, Арсилан хан өз қейнатиси
Буғузун бағни бәлгүләди (ХА ОЧ 331) 'Вместо него Арсилан хан ваном
Кумула назначил своего тестя Буғузун бека'

В данном случае последлог *орнига* сочетается с местоимением *у* в родительном падеже.

Еще пример:

Тат. *Салкын көзге яңгыр сөякләргә кадәр үтәп өшетә* (АА Т 3)
'Холодный осенний дождь произывает до костей'

Здесь последлог *кадәр* управляет формой дательного-панправительного падежа.

Последлоги и служебные имена расширяют, дифференцируют и уточняют значения падежей. Они сочетаются со знаменательными словами в форме того или иного падежа. Поэтому говорят о своеобразном последложном управлении [1, с. 27]. Так, в современном татарском языке выделяются последлоги (бәйләкләр), которые управляют основным, дательным-направительным и исходным падежами [51, с. 258].

Последлоги и служебные имена могут сочетаться как с именами, так и с причастиями и другими глагольными формами. В целом функционирование последлогов хорошо изучено на уровне простого предложения. Особенно различие по сравнению с функционированием на уровне сложного, полипредикативного предложения заметно на материале монгольского языка [34, с. 38].

Субстантивно-последложные сочетания функционируют на уровне простого предложения, образуя свою форму [30, с.35], а причастно-последложные конструкции являются единицами синтаксиса сложного предложения. Другими словами, одни и те же последлоги могут употребляться на двух уровнях синтаксической системы языка. Однако в разных языках

встречаются отдельные послелогои, которые могут употребляться только на одном уровне.

В монгольском языке отдельные авторы, обращаясь к причастно-послеложным конструкциям, выделяют 63 послелога [34, с. 38]. При этом они обнаружили, что в сфере ППК употребляются 57 послелогов. Другими словами, на уровне полипредикативных построений употребляется меньше послелогов.

Общая закономерность такова, что отдельные послелогои, используемые в простом предложении, не участвуют в построении ППК. Однако исследователи монгольского языка тем не менее пишут, что «не исключено, что некоторые послелогои могут оформлять только ППК» [34, с. 38]. Наши наблюдения подтверждают истинность таких предположений. Например, в современном уйгурском языке есть такой послелог *сири*. Он встречается только в составе причастно-послеложных конструкций. Например:

Уйг. *Ямгур яққан сири, кочилар патқақ болувәрди* ‘По мере того, как шли дожди, улицы становились грязными’

Значение периодичности повторяющихся событий в главной и зависимой предикативных единицах в других тюркских языках передается причастиями в сочетании с послелогом *саен/ сайын*. Это послелог может употребляться и в простом предложении в составе субстантивно-послеложных сочетаний. Например:

Кирг. *Айыл сайын* ‘в каждом селе’

Тат. *Кеше саен* ‘у каждого человека’ Пример употребления данного послелога в ППК в татарском языке см. выше.

Что касается уйгурского языка, то на уровне простого предложения значение периодичности выражается при помощи частицы *һәр* ‘всякий, каждый’, которая употребляется с нумеративом *бир* ‘один’.

Например:

Уйг. *Һәр бир өйдә* ‘в каждом доме’

Обращаясь к ППК времени в современном тувинском языке, Л.А. Шамина констатирует, что «чем сложнее выражаемые моделью семантические отношения между событиями, тем, как правило, сложнее оказывается ее структурная организация» [45, с. 69]. Это, очевидно, справедливо и в отношении причастно-последложных ППК.

Надо отметить одну особенность падежно(субстантивно)-последложных конструкций в простом предложении, которая находит свои параллели и на уровне причастно-последложных конструкций. Речь идет о том, что когда выражаются темпоральные логико-смысловые отношения (значение времени), то возникает необходимость указывать на временной интервал между событиями (день, два дня, три года и т.д.). Для этого в привлеченных языках применяется следующая языковая техника: между знаменательным словом и последлогом встраиваются слова, которые и называют тот временной разрыв между двумя ситуациями. Например:

Тат. *Соңгы тапкыр ул картаны моннан бер ай элек ашады* (ЭФ Т 5)

‘Последний раз он ел требуху месяц назад’

В данном примере в составе субстантивно-последложного сочетания между местоимением моннан и последлогом *элек* вставляются конкретизаторы *бер ай* «один месяц».

Теперь позволим себе обратиться к причастно-последложным конструкциям с целью выяснить, как выражается информация о временном интервале между двумя развернутыми событиями. Оказывается, что языковая техника алтайских языков здесь такая же. Различие только в том, что слова, указывающие на конкретный интервал, употребляются между причастием в той или иной падежной форме и конкретным последлогом. Например:

Уйг. *Жигин өткәндиң йерим жыл бурун, шәһәргә бир топ һәрбийләр кели кәткән* (ЖБ К-К 71) ‘за полгода до того, как прошло это собрание. В город приезжала группа военных’

В настоящем примере мы видим, что интервал в полгода между двумя событиями – проведением собрания и приходом группы военных – выражается

при помощи слов, которые вставлены между причастием прошедшего времени на –ган и послелогом *бурун*. В причастно-послеложной конструкции выражается не просто грамматическое значение предшествования события в главной предикативной единице событию в зависимой предикативной единице, а конкретизированное предшествование с указанием на конкретный разрыв во времени.

1.2. Модели причастно-послеложных конструкций

В нашей работе мы рассматриваем причастно-послеложные конструкции на уровне языковых моделей. Под моделью нами понимается научный конструкт, который отражает языковую сущность, согласно которой в речи возможно построение бесконечного множества причастно-послеложных конструкций на уровне речи. Модели, как уже упоминалось выше, можно представлять в научном описании специальными формулами. Например:

Уйг. *Биз эткэн чайни ичкэндин кейин, қизлар дәстиханни жигиштурди*
'После того как мы попили аткан чай, девушки убрали со стола'

В формульной записи модель данного высказывания будет выглядеть следующим образом:

{(N_{nom} – T_{вган}//дин кейин) (ГПЕ)} – после того как

Формула данной модели отражает в широком смысле причастно-послеложную конструкцию как сложноподчиненное предложение, а также сочетание причастие на –ган в исходном падеже с послелогом *кийин* как конструктивную вершину всего предложения. Это средство связи главной и зависимой предикативных единиц. В предложении выражается грамматическая семантика следования события главной части за событием зависимой части. Ср. еще примеры данной модели:

Уйғ. *Гәнжу уйғур ханлиги болса Сумбул сулав билән баиш қошқандин кейин, қайтидин аиләвий бәхит қучқан (ХА ОЧ 331) 'Сто касается Ганжуйского уйгурского хана то после того, как женился на Сумбул сулав, снова обрел семейное счастье'*

Обратимся к примеру из татарского языка:

Тат. *Үзез без белән алып чыкан икмәк кимегәнә күрә, тирә яктагы авылларда эчелгән әче әйрән, тозлы ит безнең йөрәкләрне кимерә (АА Т 4) 'Поскольку осталось мало хлеба, который мы взяли с собой, нам доставляло страдание то, что в окружающих деревнях пили айран и ели вяленое мясо'*

Модель:

{(Nnom ⇔ Tv=ган//на күрә) (ГПЕ)} - судя по тому, как

Еще пример другой модели:

Тат. *Жир шакырдап туңган булуга карамастан, Ташбай ялаңаяк иде (АА Т 18) 'Несмотря на то, что земля сильно промерзла, Ташбай был на босу ногу'*

Модель:

{(Nnom ⇔ Tv=y//га карамастан) (ГПЕ)} – несмотря на то, что

Одним из преимуществ модельного подхода к описанию причастно-последовательных построений в языке является то, что модели поддается количественному исчислению. Так, например, в современном монгольском языке выделяется 44 модели причастно-последовательных бипредикативных конструкций.

1.3. Параметры выделения моделей

Для целей описания причастно-последложных конструкций в ряде тюркских и монгольских языков целесообразно определиться в различительными признаками или параметрами, в рамках которых мы будем проводить изложение итогов своего исследования. В нашей работе мы руководствовались следующими параметрами при выделении конкретных моделей.

1. Конкретные разряды послелогов и функционально близких им служебных слов.
2. Падежное оформление причастий и отглагольных имен (масдаров) как различительный признак моделей причастно-последложных конструкций.
3. Различие временных форм причастий, которые употребляются с послелогам.
4. Субъектность как отдельный параметр описания причастно-последложных конструкций. Здесь значимо лично-притяжательная маркировка субъектов в плане моно- или разносубъектности конструкций.

Рассмотрим каждый из этих «дифференциальных признаков», по которым можно идентифицировать конкретные модели в конкретных тюркских и/или монгольских языках.

1. Конкретные разряды послелогов и функционально близких им служебных слов.

Согласно наблюдениям Е.К. Скрибник и И.В. Ельмаковой, в современном монгольском языке в субстантивно-последложных и причастно-последложных конструкциях задействовано 63 послелога [34, с. 60]. Среди них встречаются как собственно послелог, т.е. неизменяемые служебные слова-аналоги предлогов во флективных языках, так и служебные имена, которые могут изменяться по пространственным падежам. Отмеченные авторы

выделяют среди причастно-последложных конструкций 44 модели, в которых участвуют конкретные послелого (служебные слова). В современном уйгурском языке мы насчитали 31 модель с собственно послелогоми. Другими словами, в этот список не попали модели со служебными именами и делексикализованными единицами типа *кезде, учурда, тушта, чагда* и др.

2. Падежное оформление причастий и отглагольных имен (масдаров) как различительный признак моделей причастно-последложных конструкций.

Послелого управляют падежной формой причастия в составе причастно-последложной конструкции. Если судить по материалам тюркских языков, то причастие в сочетании с собственно послелогоми чаще всего принимают форму исходного падежа, реже употребляются в форме дательного-направительного падежа. Если вместо собственно послелога употребляется служебное имя, то причастие или имя действия становится в форме родительного (притяжательного) падежа.

Падежное оформление причастий часто является различительным признаком моделей. Как отмечают отдельные авторы, в некоторых языках, в частности, в современно бурятском языке с падежным оформлением может быть связано семантическое различие [34, с. 39].

3. Различие временных форм причастий, которые употребляются с послелогоми.

В разных причастно-последложных конструкциях отмечаются разные временные формы причастий. Так, например, в современном уйгурском языке очень активно употребляется в данной роли причастие прошедшего времени на =ган. Помимо причастий, с послелогоми и служебными именами в уйгурском языке часто употребляется и имя действия на =иш. В киргизском языке активно функционирует причастие настоящего-будущего времени на =ар.

Набор инфинитных форм глагола в каждом языке является различным, и здесь устанавливаются свои системные отношения.

4. Субъектность как отдельный параметр описания причастно-последложных конструкций.

Здесь значимо лично-притяжательная маркировка субъектов в плане моно- или разносубъектности конструкций. В 1 и 2 грамматических лицах субъект, которому предидируются предикативные признаки в предикативных единицах ППК, вполне может быть выражен при помощи аффиксов принадлежности в составе формы причастия или служебного имени.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. Причастно-последложные конструкции

В нашей работе мы вслед за представителями Новосибирской синтаксической школы под причастно-последложной конструкцией будем понимать полипредикативное (бипредикативное) предложение, в котором факт синтаксической связи между предикативными единицами и характер смысловых отношений выражаются при помощи причастных, лично-притяжательных, падежных морфем и конкретных послелогов [41; 35; 49]. Причастно-последложные конструкции являются одним из структурно-функциональных разновидностей ППК аналитико-синтетического типа. Обратимся к примеру:

Тат. *Бирегә күчкәннән соң Габдулланың мәдрәсәдә һәм школада укуы да алла ничек күңеллерәк, дәртлерәк булып китте (Э.Файзи Тукай 268)*
'После того как переехали сюда, учеба Габдуллы в медресе и школе стала интересней и содержательней'

В данном примере иллюстрируется причастно-последложная конструкция, в которой форма зависимого предиката составлена из причастия прошедшего времени на –ган в исходном падеже и послелога *соң*. Причастно-последложная форма зависимого сказуемого возглавляет зависимую предикативную единицу, в которой выражается событие, за которым следует событие в главной предикативной единице.

Модель, по которой построено высказывание, приведенное только что, можно представить следующей формулой:

{([N1] ⇔ T_v=ган//нан соң) (ГПЕ)} – 'после того как'

Функциональным аналогом данной модели в монгольском может считаться своя отдельная модель. Обратимся к примеру.

Монг. *Уран бүтээлчид тайзнаа гарсны дараа "Чингис хаан"дууг дуулсан.* После того как артисты вышли на сцену, они спели песню "Чингизхан".

Модель {[Nnom] ⇔ Tv=сан дараа(хойно)} (ГПЕ)} – после того как

Ср. еще пример:

Монг. *Шөнө болсны дараа хээр талд гал асаав* ‘После того как наступила ночь, в степи загорелись костры’

Уйг. *نۆرۈك چىچەكلىگەندىن كېيىن شەھەرگە كۆچۈپ كەلدۇق.*

‘После того как урюк зацвел, мы переехали в город’

В данном примере из современного уйгурского языка причастно-последеложное сочетание причастия на =ган в исходном падеже с последелогом *кейин* формирует бипредикативное сложное предложение, в котором выражается семантика следования события главной предикативной единицы зха событием зависимой предикативной единицы.

Ср. в современном турецком языке реализацию модели со значением следования события главной предикативной единицы за событием в зависимой предикативной единице:

Тур. *Ben İstanbul'a geldikten sonra çocuklarımla Sultan Ahmet Meydanı'na gittik* ‘После того как я приехал в Стамбул, мы с детьми пошли на площадь Султан Ахмед’

Тур. *Turistler otobüse bindikten sonra otele gittik.* ‘После того как туристы сели в автобус, мы зашли в отель’.

Модель {[Nnom] ⇔ Tv=dikten sonra) (ГПЕ)} – после того как

Обратимся к примеру в еще одном тюркском языке, а именно в современном казахском языке:

Каз. *Л. Гумилев атындағы университетке келгеннен кейін бізді таныс профессор қарсы алды.* ‘После того как мы приехали в университет имени Л. Гумилева, нас встретил знакомый профессор’.

Данный пример иллюстрирует функционирование ППК со значением следования. Здесь с послелогом *кейін*, как и в уйгурском языке, употребляется причастие прошедшего времени на =ган в отличие от турецкого языка, где задействованы причастие на =дык и послелог *сонра*. В обоих языках причастия стоят в форме исходного падежа (аблатива).

2.2. Масдарно-послеложные конструкции

В данном параграфе мы ставим своей целью обособить описание таких полипредикативных конструкций, в которых вместо причастий употребляются масдары (имена действия, отглагольные имена). Имена действия широко отмечены как предикаты зависимых предикативных единиц (37, с. 47). Они встраиваются в систему ППК аналитико-синтетического типа в языках, которые привлекаются к рассмотрению в нашей работе. Со стороны языковой техники такие конструкции во многом схожи с причастно-послеложными структурами. Тем не менее по параметру субъектности они чаще выступают в качестве моносубъектных полипредикативных конструкций. Обратимся к примеру:

Уйг. *Өйгә кириштин бурун биз қол жуявалдуқ* ‘Перед тем как зайти в дом, мы помыли руки’

Здесь послелог *бурун* сочетается с именем действия на –иш, формируется моносубъектная полипредикативная конструкция, отвечающая модели, которую можно представить формулой:

{(Tv-иш// бурун) (Nnom Vf)} – перед тем как

Конструкция моносубъектная. Субъект выражен формой подлежащего в составе главной предикативной единицы.

Масдары могут употребляться в отрицательной форме. Например:

Уйг. *Ишик ечилмастин бурун, мөшүк өйгә кирип кәтти* ‘Как только дверь открылась, кошка проскочила в дом (букв. До того как дверь еще не открылась, кошка проскочила в дом)’

Имена действия, кроме падежных суффиксов, могут принимать лично-притяжательные показатели. Это можно увидеть из следующего примера:

Уйг. *Огланларниң келишидин авал, дәстихан тәййрланди* ‘До того как парни пришли, стол был накрыт’

В данном примере иллюстрируется уже разносубъектная конструкция, причем, субъект в зависимой предикативной единице выражен дважды: 1) подлежащим в притяжательном падеже *огланларниң* и 2) лично-притяжательным суффиксом –и. В зависимой предикативной единице предикативный узел строится по изафетной схеме.

Известный уйгуровед Г.С. Садвакасов в своей работе «Язык уйгуров Ферганской долины. Лексика, морфология и языковая интерференция» пишет: « В сочетании с именем действия на –иш (послелог *билән* – Г.А.) обозначает действие, вслед за которым началось другое действие:

Қар кетиши билән йәрни текизләйдо «Как только снег сойдет, землю ровняют»; *Базагы киришим билән, сени көрдүм* «Как только я пришел на базар, увидел тебя» [32, с. 232].

Как можно заметить, во втором из приведенных примеров причастие на =иш принимает на себя лично-притяжательное оформление, т.е. аффикс 1 лица единственного числа.

2.3. Конструкции с собственно послелогоми

Выше мы упомянули о том, что служебные слова, входящие в состав причастно-послеложных конструкций делятся на две группы: собственно послелогои и так называемые служебные имена. В данном параграфе мы остановимся на полипредикативных конструкциях с собственно послелогоми.

Ученица известного тюрколога Е.И. Убрятовой Дж. Мураталиева подготовила кандидатскую диссертацию, посвященную послелогам в современном киргизском языке. В своей работе она дает такое определение послелогов: «Послелогоми называются служебные слова, которые, сочетаясь с именами в определенном падеже, выражают синтаксические отношения между словами, членами предложения. Некоторые из послелогов служат средством выражения подчинения придаточного предложения главному» [25, с. 4]. Для нас важным в данном определении является указание на возможность употребления послелогов в качестве средств связи в сложном предложении.

Согласно установившейся традиции, в тюркологии послелогоми считаются неизменяемые служебные слова, которые используются для выражения различных грамматических отношений [7, с. 415]. По значению и грамматической функции они сходны с падежами.

Этимологически послелогои часто восходят к знаменательным словам [19, с. 317]. Так, например, в киргизском языке послелог *караганда* восходит к форме местно-временного падежа причастия прошедшего времени на =ган.

Послелогои – это типологически присущие тюрко-монгольским языкам неизменяемые служебные слова [25, с. 5; 7, 17]. Они управляют формой знаменательного слова (имени, местоимения). Первый компонент в послеложных конструкциях может принимать форму разных падежей, и в этом мы видим отличие послелогов от служебных имен. Служебные имена сочетаются только с пссессивным (родительным) падежом. Функциональных различий между ними не существует [33, с. 247].

При сопоставлении послелогов с предлогами исследователи отмечают: «В отличие от первичных предлогов послелогои исторически восходят к определенным знаменательным частям речи и, с течением времени частично или полностью утрачивая свое лексическое значение, выполняют грамматическую функцию аналогично предлогам» [16, с. 17].

2.4. Конструкции со служебными именами

В тюркологии сложилась традиция выделения особого разряда служебных слов, которые могут употребляться в сочетании с причастиями в составе инфинитных форм зависимого сказуемого ППК – служебных имен [7, с.407]. Служебные имена выделяются в работах таких авторов, как Н.К Дмитриев, Е.И. Убрятова, Н.А. Баскаков и др.

Н.К. Дмитриев в своей «Грамматике кумыкского языка» отмечает, что служебные имена могут употребляться как в служебной функции, так и в качестве полнозначных лексем. В первом случае они функционируют в форме пространственных падежей, а во втором случае принимают форму грамматических падежей [10, с. 184-185].

Дж. Мураталиева отмечает следующие отличия послелогов от служебных имен:

«1) служебные имена могут выступать как самостоятельный член предложения.

2) служебные имена принимают после себя послелог, тогда как последние никогда не принимают ни служебных имен, ни послелогов» (25, с. 5).

В работах представителей Новосибирской синтаксической школы служебные имена рассматриваются как аналитические строевые слова серийного образования. Другими словами, служебные имена образуют своеобразные парадигматические ряды.

Исследователь тувинского языка Л.А. Шамина пишет: «Служебные имена имеют четкую именную основу, за ней следует позиция аффикса притяжания, после которого идут аффиксы падежей.

От одной и той же именной основы в тувинском языке может быть образовано до пяти служебных имен, которые различаются падежными аффиксами и оттенками семантик. Но употребление одной основы служебного имени с разными падежными аффиксами не есть склонение, как это было бы с именем существительным; при помощи падежных аффиксов и аффиксов притяжания образуются новые лексемы со своими значениями, хотя и близкими, но не тождественными. В сходной ситуации в финно-угроведении говорят о серийности послелогов» [44, с. 15].

Таким образом, служебные имена являются производными и изменяемыми. Они изменяются по падежам и употребляются сериями. В этом мы усматриваем их отличие от собственно послелогов, которые выступают как неизменяемые служебные слова. Тем не менее в нашей работе мы объединяем обе разновидности служебных слов под термином

прилагательным «последеложные» в составе причастно-последеложных конструкций.

Служебные имена образуются в основном от корневых морфем лексем, обозначающих пространственную ориентацию относительно говорящего: передняя часть, задняя часть, внутренняя часть, верх, низ и т.д. К ним присоединяются аффиксы принадлежности и пространственных падежей – местного, дательного, исходного. Обратимся к материалу татарского языка. Например:

Тат. Алд- ‘передняя часть’: алдында – *мәктәпнең алдында* ‘перед школой’- (субстантивно-последеложная конструкция); *кергәннең алдында* ‘перед тем, как войти’ (причастно-последеложная конструкция);

Кирг. Алд- ‘передняя часть’ алдында *сенин алдыңда* ‘перед тобой’ (местоименно-последеложная конструкция); *берүүнүн алдында* ‘перед тем, как дать’ (масдарно-последеложная конструкция).

Служебные имена могут употребляться не только с именами существительными, но и с местоимениями. Например:

Тат. *Шуның өстенә Мөхәммәтвали абзыйның да соравыкинйәтрәк булды* (ЭФ Т 9) ‘К тому же вопрос Мухамметвали абзья был неожиданным’

В тюркских языках в составе ППК аналитико-синтетического типа рассматриваются такие построения, в которых инфинитная форма зависимого сказуемого включает в себя сочетания причастия с делексикализованными именами темпоральной семантики типа [14, с. 57; 6, с. 90]. Ср.:

уйг. Вақит, пәйт, чағ, заман; каз. Кез, убақыт; тат. Вакыт, чор, чак; кирг. Кез, убакыт, учур и др.

Такие слова функционально примыкают к служебным словам. Они также употребляются в основном в форме местно-временного падежа и принимают лично-притяжательное оформление. Н.Х. Демесинова, обращаясь

к ППК с упомянутыми лексемами в служебной функции в казахском языке отмечает: «Довольно часты случаи, когда причастие на –ган выступает в функции сказуемого придаточного времени, сочетаясь не с послелогоми и частицами, а с самостоятельными словами временного значения: Жігіттер үйге кірген кезде, осы үйге Айғыз да келді (М. Ауэзов) ‘В то время, когда джигиты вошли в дом, сюда пришла и Айғыз’. Такие придаточные предложения определяют время совершения действия в главном предложении» [9, с. 144-145]. Исследователь назвала лексемы с темпоральной семантикой «самостоятельными словами», мы же считаем, что здесь присутствует элемент делексикализации. Именно благодаря этому элементу, на наш взгляд, такие лексемы получили способность выступать в служебной функции, уподобляясь служебным именам в составе ППК.

Хак. Кун хыйбысхан тусха Торымныг холнын азаана читкебис (Ф Б 63)
‘К тому времени, когда солнце садилось, мы приблизились к подножию горы Толымныг’

В отдельных тюркских языках, например, хакасском такие аналитические средства связи называются служебными именами. Одна и та же единица (в одной и той же падежной форме), как отмечают исследователи хакасского языка, может формировать несколько причастно-послеложных конструкций [6, с. 93-94].

Обратимся к примеру, в котором по указанной языковой технике выражается не значение времени (ППК с зависимой предикативной единицей времени), а пространственное значение (ППК с зависимой предикативной единицей места):

Тат. Соңгы тапкыр алар бүген иртән, ниндидер авылда, кунарга кергән жирләрендә, чай эчтеләр (ЭФ Т 4) ‘Последний раз они пили чай сегодня утром, в какой то деревне, там, куда они заехали переночевать’

В данном случае мы видим, что с причастием прошедшего времени на –ган употребляются не вышеуказанные слова с темпоральной семантикой, а слово со значением места – жир «земля». Еще одной особенностью причастно-последлжного построения, которую мы видим в данном примере, является то, что слово с пространственным значением при причастии может принимать не только аффикс принадлежности 3 лица –е, но и аффикс множественного числа –лар.

Как писал Л.В. Щерба, в исследованиях в области синтаксиса плодотворным является метод экспериментирования [46, с. 308]. И действительно, чтобы убедиться в конструктивной для организации ППК роли формы *Tv=ган жир//дэ*, можно заменить аналитический компонент делексикализованными единицами из группы *кезде.тушта. чакта* и др.

Тат. *Соңғы тапкыр алар бүген иртән, ниндидер авылда, кунарга кергән чорларда, чэй эчтеләр (ЭФ Т 4)* ‘Последний раз они пили чай сегодня утром, в какой то деревне, там, где они заехали переночевать’

Мы видим, что функция служебного имени сохраняется. Меняется лишь грамматическая окраска семантики отношений между двумя событиями: вместо пространственного акцента появляется темпоральный (Указание на время).

2.5. Форма подлежащего в зависимой предикативной единице

Причастно-последлжные конструкции являются одним из исконных типов гипотаксиса тюркских и монгольских языков. Закономерности их структурно-семантической организации укладываются в теорию зависимой предикации, которая была разработана основателем Новосибирской синтаксической школы, д.ф.н.. профессором М.И. Черемисиной [43, с. 3-21].

Одним из аспектов механизма зависимой предикации является аспект падежного оформления субъекта зависимой предикативной единицы. Оказывается, что в тюркских и монгольских языках зависимое подлежащее нормально может принимать не только форму прямого (именительного, основного, неопределенного) падежа, но и форму косвенного (родительного, посессивного) падежа. Особенно это активно отмечается в полипредикативных конструкциях с предикативными актантами. Ср.:

Уйг. *Ямғурниң яғидиганлиғи аян.* (Ш.Шаваев, ЙК, 71)

ямғур=ниң яғ=диган=лик=и=Ø аян

дождь=GEN идти (об осадках)=PF=NMLZ=POSS.3=NOM ясно ‘Ясно, что пойдет дождь.’

Калм. *Мана хальмг улс, нег үлү өвгд, герт ишкрхд, килнц гинә.* (КНК, ЭК, ЫХ)

мана хальмг улс=Ø нег үлү өвг=д герт мы.GEN

калмыцкий народ=NOM один лишний старик=PL дом=LOC ишкр=х=д килнц=Ø ги=нә свистеть=PrP=DAT грех=NOM AUX:говорить=PRS

‘Калмыцкие люди, особенно старики, говорят, что свистеть в доме – это грех’. (примеры заимствованы из статьи 3, с.)

Отдельные авторы называют такие случаи падежного оформления зависимого подлежащего примерами так называемых косвенно-субъектных предложений в тюркских языках.

Что касается причастно-последложных конструкций, то здесь больше встречается форма именительного падежа зависимого подлежащего. Это объясняется тем, что в причастно-последложных конструкциях преимущественно выражаются обстоятельственные логико-смысловые отношения. А синтаксическая связь между главной предикативной единицей и зависимой предикативной единицей не оценивается как сильное управление.

В причастно-последложных конструкциях с собственно последлогами более типичен неопределенный падеж подлежащего зависимой предикативной единицы, а в ППК со служебными именами, ориентированными на синтаксическую связь по способу изафета, зависимое подлежащее может принимать форму родительного (посессивного) падежа.

Хотя видно, что форма зависимого подлежащего зависит от способа синтаксической связи, может создаться впечатление, что конструкции с родительным падежом зависимого подлежащего не вполне отвечают критериям сложного предложения. Мы считаем, что это специфика тюркских и монгольских языков.

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

3.1. Функциональная классификация зависимых предикативных единиц

Как отмечал известный лингвист И.И. Мещанинов, «синтаксические отношения между членами предложения и синтаксическими группировками слов выражают те отношения, которые устанавливаются между основными понятиями высказывания» [24, с. 28]. Далее он продолжает: «под синтаксическими отношениями понимаются те отношения, которые выявляются в строе предложения между подлежащим и сказуемым, между подлежащим и его определением и пр. Эти отношения получают различное выражение в способах своей формальной передачи» [24, с. 28].

Как показывают наши наблюдения, причастно-последложными конструкциями в основном преимущественно выражаются обстоятельственные логико-смысловые отношения. Однако встречаются и другие виды смысловых отношений, например, в современном бурятском языке [34].

В монгольском языке наиболее многочисленную группу причастно-последложных конструкций составляют конструкции со значением времени [34, с.46]. Такая семантика включает в себя отношения предшествования, следования и одновременности. Обратимся к конструкциям предшествования.

Монг. *Хичээл эхлэхээс өмнө бид захирал дээр очив* ‘Перед тем как начался урок, мы зашли к директору’

Модель {[Nnom] ⇔ Tv=x= ын өмнө) (ГПЕ)} – перед тем как

Уйг. *Китан йезитин бурун биз йезига берип калдуқ* ‘Перед тем как писать книгу, мы съездили в село’

Модель $\{([Nnom] \Leftrightarrow Tv=ish// burun) (ГПЕ)\}$ – перед тем как

В отличие от монгольской уйгурская модель является моносубъектной, т.е. в ее речевых реализациях всегда один общий субъект для действия в зависимой и главной предикативных единицах. Разносубъектность представлена в конструкциях ограничительного предшествования, строящихся по отдельной модели. Ср.:

Уйг. *Мейманлар каткэнгә қәдәр, аяллар әткән чай һазирлиди* ‘До того как гости ушли, женщины приготовили аткан чай’

Модель $\{(Nnom \Leftrightarrow Tv=gan//ga qeder) (ГПЕ)\}$ – до того как

Приведем параллели данной модели из других тюркских и монгольских языков.

Тат. *Балеш пешкэнгә кадәр, килен кибеткә барып килергә өлгерде* ‘До того как испекся пирогб невестка успела сходить в магазин’

Кирг. *Майрам баишталганга чейин, кыздар келишти* ‘До того как начался праздник, пришли девушки’

Монг. *Уулзалт эхлэхээс өмнө залуучууд ирсэн* ‘До того как началось собрание, пришли молодые парни’

Теперь обратимся к конструкциям следования. Здесь употребляются причастно-последовательные конструкции с разными послелогоми. Сравните в монгольском языке:

Монг. *Шөнө болсны дараа хээр талд гал асаав* ‘После того как наступила ночь, в степи загорелись костры’

Модель $\{([Nnom] \Leftrightarrow Tv=сан дараа(хойно)) (ГПЕ)\}$ – после того как

Уйғ. *Нахша-саз баишлангандин кейин, жигитләр уссулга чүшти* ‘После того как заиграла музыка, молодые люди стали танцевать’

Модель {[**Nnom**] ⇔ **Tv=ган//дин кейин**) (ГПЕ)} – после того как

Узб. *"Uch quduq" qo'shig'i paydo bo'lgandan so'ng, "Yalla" ansambli butun tamlakat bo'ylab mashhur bo'ldi.* ‘После того, как появилась песня "Уч кудук", ансамбль "Ялла" стал известным на всю страну’.

В тюрко-монгольских языках различные оттенки временных отношений между двумя событиями выражаются именно в ППК с участием послелогов и служебных имен. Но такие ППК передают и другие отношения, в частности, семантику уступки. Ср.

Узб. *Yomg'ir yog'ishiga qaramay, yoshlar maydonda yurishdi.* ‘Несмотря на то, что шел дождь, на площади ходили молодые люди’.

В данном примере из современного узбекского языка в ППК со значением уступительных отношений между двумя событиями послелог *qaramay* сочетается с именем действия на =иш, которое оформлено аффиксом принадлежности ед. числа 3 лица =и.

Модель {(**Nnom** ⇔ **Tv= ish//ga qaramay**) (ГПЕ)} – несмотря на то что

Тур. *Kötü hava olmasına rağmen uçak Ankara'ya uçtu* ‘Самолет вылетел в Анкару несмотря на то, что стоит плохая погода’

В приведенном примере из современного турецкого языка используется отрицательная форма причастия на =мас.

Обратимся к ППК с семантикой причины.

Узб. *Ko'chada yomon ob-havo bor bolgani uchun biz uyda o'tiramiz.* ‘Мы сидим дома, потому что на улице плохая погода’.

Кирг. *Апам мени дүкөнгө жибергени учун, мен сыртка чыктым* ‘Я вышел на улицу, потому что моя мама отправила меня в магазин’

Узб. Кучли шамол кўтарилгани учун дарахтлар егилди ‘Верхушки деревьев гнулись, потому что поднялся сильный ветер’

Модель $\{\{N_{nom} \Leftrightarrow Tv=ган// учун\} (ГПЕ)\}$ – так как

3.2. Моно- и разносубъектные конструкции

В данном параграфе в качестве отдельного параметра описания моделей причастно-последовательных конструкций будет рассмотрен аспект субъектности. Этот аспект характеристики полипредикативных конструкций специально был изучен М.И. Черемисиной [42, с. 6-33]. Способ выражения субъектности важен хотя бы потому, что это является одним из аспектов выражения важной для синтаксиса категории предикативности.

Приведем пример строго моносубъектной модели.

Уйг. *Тэй-хэ хеним Турпанга нүтүнләй уприган-мэйүслэнгән һалда йетип калди* (ХА ОЧ 329) ‘Госпожа Тай-хе прибыла в Турпан будучи полностью разбитой’

Как видно из приведенного примера, два предикативных признака (*уприган-мэйүслэнгән*) и (*йетип калди*) соотносятся с одним субъектом (*Тэй-хэ хеним*). Моносубъектными могут быть как высказывания, реализующиеся по образцу моделей, которые мы называем разносубъектными, так и высказывания-реализации последовательно моносубъектных моделей.

Моносубъектные модели на шкале «простое предложение – сложное предложение» оказываются более удаленными от сложноподчиненных предложений по сравнению с разносубъектными моделями. Обратимся к очередному примеру.

Уйғ. *Чоканлар киргэн пети туруп калди* ‘Молодые женщины как зашли, так и встали’

Здесь два предикативных признака (заходить) (стоять) предцированы одному субъекту (молодые женщины).

Тат. *Кызлар көлгән килеш елгага да киттеләр.* ‘Девушки продолжая смеяться отправились на речку’

В данном примере из современного татарского языка моносубъектная ППК формируется при использовании причастно-последложного сочетания *Tv=ган килеш.*

Узб. *Qizlar kulishni davom etkan buyicha uyu bordilar.* ‘Девушки продолжая смеяться зашли в дом’

Модель {(Tv= etkan buyicha) (ГПЕ)} как-так

Как отмечают исследователи ППК в монгольском языке, количество моносубъектных моделей сравнительно невелико. Так, из 44 моделей 3 модели признаны в качестве моносубъектных, а 41 модель характеризуются как вариативно-субъектные. Реализации вариативно-субъектных моделей могут быть и разносубъектными фразами, и моносубъектными фразами [34, с.42].

Наши наблюдения показывают, что удельный вес моносубъектных моделей в таких тюркских языках, как уйгурский, узбекский выше. Однако необходимо учитывать, что в таких моделях используются синонимичные послелогии.

Уйғ. *ئالدى كىتاب ئۈچۈن قىلىش تەييارلىق ئىمتىھانغا ئوقۇغۇچىلار.* ‘Студенты взяли книги чтобы готовиться к экзаменам’.

В данном примере организующим центром ППК является сочетание послелога *учун* с именем действия (масдаром) на =иш. Высказывание построено в соответствии с моделью:

Модель {(Tv=иш// учун) (ГПЕ)) – для того чтобы

Указанная модель является в уйгурском языке вариативно-субъектной. Реализации этой модели могут быть и моносубъектными, и разносубъектными высказываниями.

Но в уйгурском языке отмечены ППК с послелогоми-синонимами *пети*, *петичэ*, *бойи*, *бойичэ*, а также близким им по смыслу служебным именем *һалда* (от лексемы *һал* 'состояние'). Служебное имя *һалда* в уйгурском языке в отличие от других тюркских языков, в частности, татарского не принимает на себя аффикса принадлежности. Эти служебные слова в составе ППК сочетаются с причастием прошедшего времени на =ган. Формируемые при этом модели являются последовательно моносубъектными. Обратимся к примерам:

Уйг. *Балилар күлгән петичэ йезиниң оттурисидики чирайлиқ мәктәпкә кирип кетишти.* – 'Дети как смеялись, так и зашли в красивую школу в центре села'.

Йиллар өтүши билән, қәдимки уйғурларниң илим вә мәрипәткә амрақ икәнлиги рошән көрүнүп туриду. – *По мере того как проходит время, становится очевидным, как были близки древние уйгуры к науке и образованию*

Можно заключить, что обе полипредикативные конструкции относятся к синтаксическим построениям аналитико-синтетического типа: первая организуется при помощи причастно-послеложной инфинитной формы *күлгән петичэ*, а вторая – при использовании инфинитной формы, представляющей из себя сочетание имени действия на –иш и послелога *билән* [4, с. 5]. Первая полипредикативная конструкция является типичным примером тюркской моносубъектной полипредикативной конструкции, а вторая представляет из себя разносубъектную полипредикативную конструкцию.

Рассматривая субъектность как параметр выделения моделей, важно остановиться на категории относительного грамматического лица. «Относительное грамматическое лицо, как пишет проф. М.И. Черемисина,

есть грамматическая категория, ориентированная на выражение наличия или отсутствия тождества между субъектами зависимого и главного действия (события). Видимо, все алтайские языки располагают грамматическими средствами этого отношения, но монгольские и тунгусо-маньчжурские языки выражают эту зависимость более четко и последовательно, нежели тюркские, включая и якутский, который многими чертами строя ближе к эвенкийскому и монгольскому, чем другие тюркские» [41, с. 49].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в своей магистерской диссертации мы попытались описать причастно-послеложные конструкции как отдельный вид полипредикативных (бипредикативных) конструкций в тюркских и монгольских языках. Указанные конструкции являются типологически исконными как для тюркских, так и для монгольских языков. Будучи рассматриваемыми на уровне моделей, они показывают отдельный тип (подсистему) полипредикативных единиц языка. Ученые называют их предложениями аналитико-синтетического типа. Представители Новосибирской научной школы лингвистики называют их причастно-послеложными конструкциями (М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник, Т.Н. Боргоякова, Л.А. Шамина, Н.Б. Доржаева, И.В. Ельмакова и др.). Мы также используем этот термин в своих исследованиях.

Сочетание причастия и послелога формально является словосочетанием. Здесь послелог управляет формой причастия. В языке это сочетание выполняет роль зависимого предиката. В его форму входит показатель синтаксической связи между частями сложного предложения в тюркских и монгольских языках. Поэтому причастно-послеложную конструкцию логично интерпретировать как бипредикативное сложное предложение. Приведем пример из современного татарского тюркского языка:

Тат. *Габдулла Тукай үскәннән соң, ул Казан шәһәренә күчеп килә*
(А.Файзи). – ‘После того как Габдулла Тукай вырос, он переехал в город
Казань’

В данном случае послелог *соң* сочетается с причастием на –ган в форме аблатива. В результате причастно-послеложная конструкция формирует сложное предложение аналитико-синтетического типа. В сложноподчиненном предложении выражается значение времени, а именно событие в главной

предикативной единице следует после события в зависимой предикативной единице. Само сложное предложение в речи реализуется по модели:

{([N1] ⇔ Tv=ган//нан сон) (ГПЕ)} – ‘после того как’

Причастно-последовательные конструкции в тюркских и монгольских языках могут быть разносубъектными и моносубъектными. В приведенном примере используются два подлежащих, но выражается один субъект.

При преподавании синтаксиса сложного предложения тюркских и монгольских языков важно учитывать изоморфизм средств выражения синтаксических связей. Благодаря этому эти языки избегают использования аналитических средств связи. Это делает их непохожими на языки флективного строя.

Отечественная наука о тюркских и монгольских языках в основном сложилась в XX столетии [38, с.3-33]. Сразу можно отметить, что подавляющая часть лингвистических работ в СССР была написана и опубликована на русском языке. Параллельно шел процесс формирования частных лингвистических традиций на местах. Например, среди работ по лингвистике в Кыргызстане представлены различные лингвистические традиции. Это и работы по киргизскому языку, работы в области русистики и тюркологии, исследования по сравнительному и сопоставительному языкознанию. Рассмотрим вкратце эти направления.

Как мы уже отмечали, многие из основополагающих и цитируемых лингвистических публикаций в Кыргызстане были написаны на русском языке. Неповторимым «лицом» кыргызстанской лингвистической науки являются очевидно работы по киргизскому языку и – шире – по тюркологии. Здесь можно упомянуть такие известные фамилии, как К. Тыныстанов, К.К. Юдахин, И.А. Батманов, Б.М. Юнусалиев, Б.О. Орузбаева и др.

На следующем этапе тюркологические исследования в разных регионах СССР были инкорпорированы в широкие типологические исследования с

привлечением материала языков разных систем. Такими исследованиями, в частности, являются работы представителей Новосибирской научной школы лингвистики, которые были помимо прочего направлены на изучение полипредикативных конструкций разных языков, в т.ч. тюркских и монгольских языков.

В современных тюркских и монгольских языках представлены причастно-последложные конструкции, являющиеся разновидностью полипредикативных конструкций (ППК) синтетического типа. Такие ППК разбиваются на разряды в зависимости от того, какой формой инфинитного сказуемого возглавляется полипредикативное предложение. Кроме того, во внимание принимается то, какой вид подчинительной синтаксической связи реализуется при подчинении зависимой предикативной единицы главной. Изоморфизм синтаксического гипотаксиса обуславливает то, что речь идет о принципиально тех же устоявшихся синтаксических способах и связях, которые наблюдаются и в простом монопредикативном предложении в тюркских языках. Например, в уйгурском языке:

ППК: *Нахшилар ейтилип болгандин кейин, дәстиханга тамақ қоюлди.* – После того как закончилось исполнение песен, на стол было подано угощение.

Простое предложение: *Тәтилдин кейин йәнә илмий ишларга киришимиз.* – После каникул снова возьмемся за научную работу.

В приведенных примерах для связи предикативных единиц и отдельных слов используется принципиально одна и та же языковая техника. Это аффикс исходного падежа, который детерминирован валентностью сочетающегося с именем или причастной формой глагола последлога *кейин*. Можно допустить, что уровень синтаксической сложности в полипредикативных конструкциях зависит от уровня синтаксической самодостаточности предикативного узла в предикативных единицах. Если сравнить примеры:

уйг. *Балилар күлгән петицә йезиниң оттурисидики чирайлиқ мәктәпкә кирип кетишти.* – *Дети как смеялись, так и зашли в красивую школу в центре села.*

Йиллар өтүши билән, қәдимки уйгурларниң илим вә мәрипәткә амрақ икәнлиги рошән көрүнүп туриду. – *По мере того как проходит время, становится очевидным, как были близки древние уйгуры к науке и образованию*

можно заключить, что обе полипредикативные конструкции относятся к синтаксическим построениям аналитико-синтетического типа: первая организуется при помощи причастно-послеложной инфинитной формы *күлгән петицә*, а вторая – при использовании инфинитной формы, представляющей из себя сочетание имени действия на –иш и послелога *билән* [4,с. 5]. Первая полипредикативная конструкция является типичным примером тюркской моносубъектной полипредикативной конструкции, а вторая представляет из себя разносубъектную полипредикативную конструкцию. ППК синтетического типа являются исконными для тюркских языков. Такой же вывод справедлив и в отношении монгольских языков. В чем же типологическая специфика данной разновидности полипредикативных структур в интересующих нас языках? Обратимся опять к критерию показателя синтаксической связи между предикативными компонентами ППК. Это - конструктивная вершина исследуемых синтаксических построений. В тюркских языках типичным способом выражения подобной синтаксической подчинительной в плане гипотаксиса связи в отличие от языков флективного типа являются морфологические показатели в составе формы зависимого сказуемого, т. е. формы инфинитного сказуемого. Например, обратимся к полипредикативному построению в современном татарском языке:

тат. *Кызлар өйгә кергән соң, чай мәжлисе башиланды.* – *После того как девушки вошли в дом, началось чаепитие.*

В данной ППК показателем синтаксической связи между предикативными единицами и оформителем характера синтаксических смысловых отношений является морфема *–ган и послелог соң*. Они соединяют не слова, а целые предикативные единицы в силу закона об изоморфизме показателей синтаксической связи [см. об этом 47].

Таким образом, синтетизм тюркских ППК в построениях рассматриваемого типа усматривается во встроенности показателей синтаксической связи в структуру формы зависимого сказуемого. ППК, которые в тюркологии принято называть конструкциями аналитико-синтетического типа, конструктивно возглавляются такими формами зависимого сказуемого, которые состоят, с одной стороны, из неличных форм глагола в форме того или иного падежа и послелога или служебного имени, с другой стороны. Поэтому они называются синтаксическими конструкциями аналитико-синтетического типа. При этом под аналитизмом имеется в виду употребление служебных частей речи (послелогов, служебных имен), а под синтетизмом принято подразумевать причастно-падежные формы в составе сложного сказуемого [3]. Обратимся к примерам.

Тат. Казан гүзәл шәһәр булганлыгы өчен, без монда ел саен киләбез. – Мы приезжаем сюда каждый год, поскольку Казань является привлекательным городом.

Полипредикативные конструкции в тюркских языках отличаются большим разнообразием своих структурных и функциональных типов. Выше уже речь шла об основных структурных типах полипредикативных сложных предложений. Им соответствуют и разнообразные функциональные типы рассматриваемых нами синтаксических образований. Функциональный тип полипредикативных конструкций – «это множество форм, объединенное содержательной функцией, то есть обобщенным синтаксическим смыслом» [43, с. 3]. В современных тюркских языках крупные функциональные типы

можно выделять по признаку синтаксических ролей, выполняемых зависимой предикативной единицей относительно главной сочетающейся с ней в составе ППК предикативной единицы.

Причастно-последложные конструкции являются отдельной разновидностью полипредикативных конструкций аналитико-синтетического типа в современных тюркских и монгольских языках. В причастно-последложных конструкциях реализуются отдельные модели ППК. Их количество насчитывается в пределах нескольких десятков. Конкретное количество моделей различается в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев С.Н. Сочетания имен с послелогоми в киргизском языке // Морфология имени в сибирских языках.- Новосибирск, 1981. С. 26-36.
2. Абдуллаев С.Н. Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 96-110
3. Абдуллаев С.Н. Сложные предложения аналитико-синтетического типа в тюркских языках // Тюркские языки Сибири.-Новосибирск, 1983. С. 108-122.
4. Абдуллаев С.Н. Сложноподчиненные предложения времени в уйгурском языке // Известия Академии наук Казахской ССР, Серия филологическая, 1987, № 2 (54). С. 52-60.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.-М.,1969.
6. Боргоякова Т.Н. Полипредикативные конструкции с причастно-послеложной зависимой частью // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 80-96.
7. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.-496 с.
8. Дарбеева А.А. Влияние контактов на развитие монгольских языков // Проблемы монгольского языкознания.-Новосибирск: Наука, 1988. С. 53-62.
9. Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка.-Алма-Ата: Наука, 1974. — 171 с.
10. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка.-М.-Л. Изд-во АН СССР, 1940.
11. Дмитриев Н.Г. Грамматика башкирского языка.-М.-Л., 1949.
12. Донидзе Г.И. Послелогии в хакасском языке // Уч. Зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 4, 1956. С. 3-32.
13. Дырленкова Н.Л. Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

14. Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке.- М., 1987.
15. Закиев М.З. Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений // Советская тюркология, 1972, №2, С.21-25.
16. Исмаилов М.С., Шахнарович А.М. Грамматическое выражение пространственных отношений в русском и узбекском языках // Советская тюркология. 1989. № 2. С. 16-21.
17. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
18. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык.-Л.. 1968.
19. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка.- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
20. Лиджиева Л.А. Послелого калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004.
21. Лиджиева Л.А. Система служебных частей речи в монгольских языках (статья ВАК) // Научная мысль Кавказа. Журнал № 2. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2011. – С. 158-162.
22. Лиджиева Л.А. Семантика пространственных послелогов в монгольских языках // Материалы II Международного научного форума «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия». Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018 — С. 118-123
23. Мелиоранский Т.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка.ч. 1. Фонетика и этимология. СПб, 1894.
24. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи.- М.: Изд-во АН СССР, 1945.
25. Мураталиева Дж. Послелого в киргизском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1958.

26. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2005. — 382 с.
27. Мушаев В.Н., Абдуллаев С.Н. Об изучении синтаксических омонимов (на материале монгольских и тюркских языков) // Вестник калмыцкого университета, 2018. С. 109-114.
28. Мушаев В.Н. Полисемия и вопросы многозначности (на материале калмыцкого языка) // Вестник Калмыцкого университета, 2018. С. 85-92
29. Омакаева Э.У. Типологически значимые аспекты сопоставления синтаксических конструкций монгольских и тюркских языков // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность.-т.1, Казань, 1992. С. 268-270.
30. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. –М.-Л.: : Государственное издательство, 1928.
31. Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков.- Элиста, 2014.
32. Садвакасов Г.С. Язык уйгуров Ферганской долины. Лексика, морфология и языковая интерференция.-Алма-Ата: Наука, 1976.
33. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.-Баку, 1979.
34. Скрибник Е.К., Ельмакова И.В. К описанию причастно-последовательных конструкций монгольского языка // Морфология глагола и структура предложения. - Новосибирск, 1990. С. 38-63.
35. Скрибник Е.К., Доржаева Н.Б. Бурятские конструкции сопоставления-предпочтения // Сибирский филологический журнал. 2016, № 6. С. 263-269.
36. Строй уйгурского языка.-Алма-Ата: Наука, 1989.-424 с.
37. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем.-Новосибирск: Наука, 1986.-321 с.
38. Тенишев Э.Р., Шагдаров Л.Д. О развитии советского монголоведения // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988. С 3-33.

39. Трофимова С.М. Падежно-последеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты.-Новосибирск, 1980.
40. Хангишеев Д.М. Сравнительная характеристика имен действия на -ыв/-у в кумыкском и татарском языках // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность.-т.1, Казань, 1992. С. 256-258.
41. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Опыт формального описания причастно-последеложных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980. С.
42. Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база / Отв. ред. М.И. Черемисина. Новосибирск: Изд-во Наука, 1980.-С. 6-33.
43. Черемисина М.И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурные и функциональные типы сложных предложений.-Новосибирск, 1982. С. 3-21.
44. Шамина Л.А. Служебные имена в тувинском языке // Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981. С. 15-26.
45. Шамина Л.А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка.-Новосибирск: Наука, 1987.
46. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков.М., 1956. С. 252-263.
47. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Кн. 1.-Новосибирск, 1976.

ЛИТЕРАТУРА НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

48. Abdullayev S. Models of Simple Sentences in Uyghur and English Languages. Karakol. 2018.
49. Абдуллаева Г.С. Төрки телләрдәге полипредикатив конструкциялар // O'zbek tilini dunyo miqyosida keng targ'ib qilish bo'yicha hamkorlik

istiqbollari»: xalqaro ilmiy-amaliy anjuman materiallari / Mas'ul muharrir – Sh. Sirojiddinov. –Ташкент, 2020..345-347ss.

50.Лиджиева Л.А. Хальмг келн зүүг дасхлһна таблицс . – Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2014.

51.Тумашева Д.Г. Хэзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964.

52.Һазирки заман уйғур тили. Иккинчи қисим. Морфология вә синтаксис. Алмута, 1966.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Һезмәт Абдуллин. Талланма әсәрләр. Иккинчи том. Алмута 1984

Һезмәт Абдуллин. Отлук чәмбәр. Алмута, 1986

Пәрваз № 1 1989

Ә. Фәйзи. Тукай. Казан 1975

Ф. Бурнаков. Тигір Оды. Абакан, 1977.

СОКРАЩЕНИЯ

ГПЕ - главная предикативная единица

ЗПЕ – зависимая предикативная единица

ППК – полипредикативная конструкция

ЭПП – элементарное простое предложение

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Бур. – бурятский

Калм. – калмыцкий

Каз. – казахский

Кирг. – киргизский

Монг. – монгольский

Тат - татарский

Тув. – тувинский

Тур. – турецкий

Узб. – узбекский

Уйг. – уйгурский

Хак. - хакасский